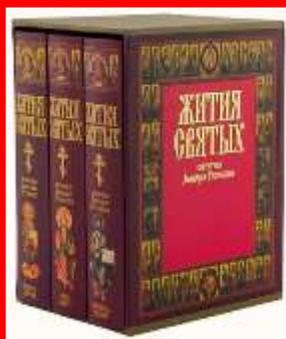
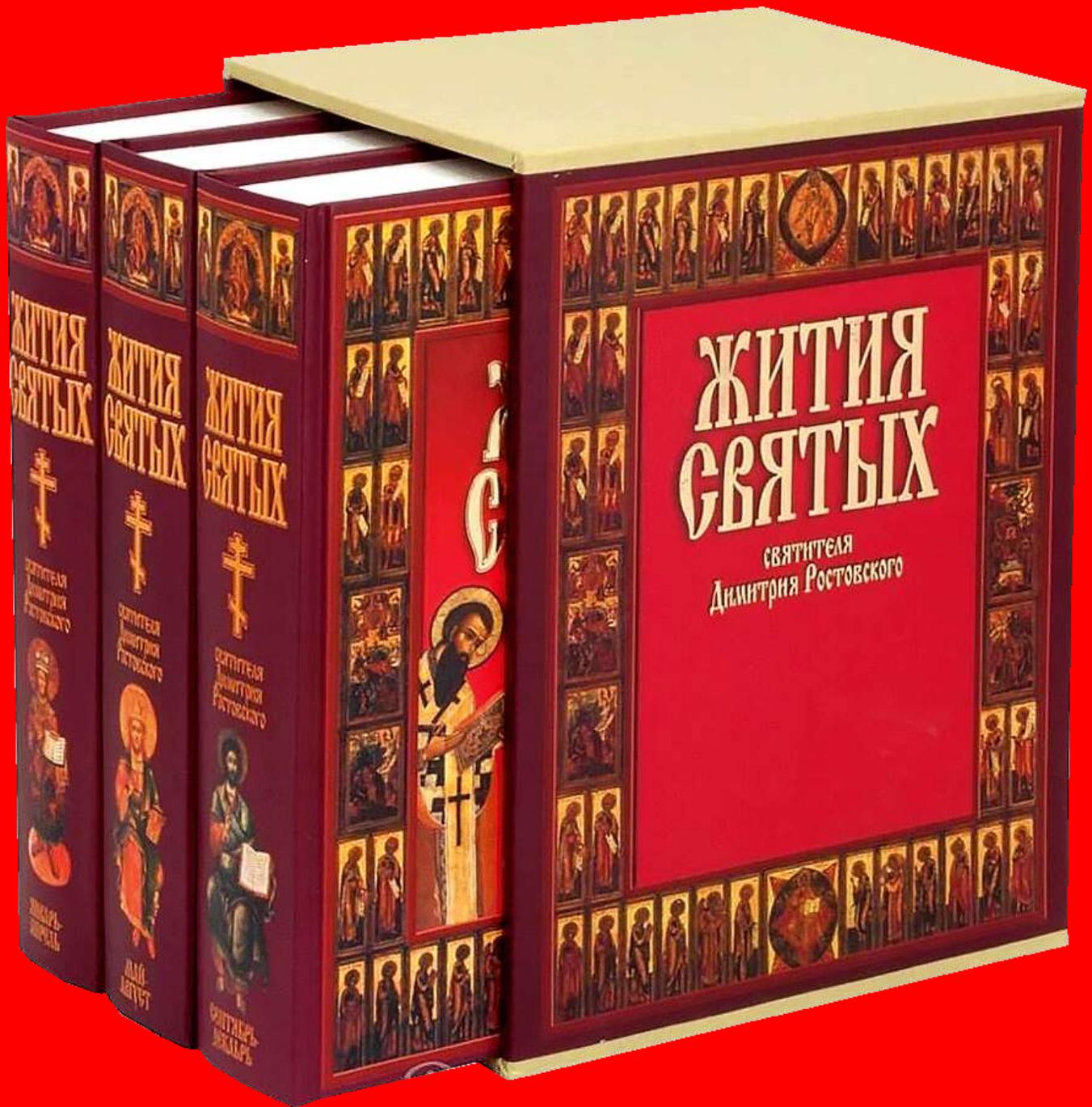


TEZĂUR LITURGIC
19 NOIEMBRIE
SF.DIMITRIE AL ROSTOVULUI

VIAȚA
SF.CUVIOȘI
VARLAAM
DE LA SINARET
ȘI
IOASAF DIN INDIA



MOSCOVA, 2016



ЖИТИЯ СВЯТЫХ

СВЯТИТЕЛЯ
ДМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

Житие преподобных Варлаама и Иоасафа, царевича индийского, и отца его царя Авенира

Есть на востоке страна, весьма обширная, называемая Индиею, заселенная многими народами и всякими богатствами и плодами превосходящая другие страны, границами же своими приближается она к пределам Персидским. Страна эта была просвещена некогда святым Апостолом Фомою, но не оставила до конца служения идолам, ибо многие, закоренев в язычестве, не приняли спасительного учения и держались бесовской прелести. С течением времени нечестие разрослось, как терние, стало подавлять доброе семя благочестия, так что язычников в Индии стало гораздо более, чем верных.

В той стране вступил на престол один царь, по имени Авенир, великий и славный силою и богатством, но весьма бедный духом, ибо он был язычник и служил бесам, а не Богу, поклоняясь бездушным идолам, и жестоко гнал Церковь Христову, а особенно учителей церковных,

пресвитеров и иноков. Некоторые из его придворных, уверовав во Христа и убедившись в суете мира сего, оставили всё и сделались иноками; вследствие этого царь пришел в великую ярость. Схватив многих иноков, он предал их смерти, и повелел всюду принуждать христиан поклониться идолам. Послал он и по всем подвластным ему странам указ князьям и начальникам областей о том, чтобы мучениями и всякого рода убийствами изводили всех верующих во Христа и не желающих поклониться идолам. Вследствие этого, многие из верующих поколебались, - и некоторые, не имея сил перенести мучения, отпали от веры; но другие сами отдавались на мучения и, крепко страдая за Господа своего, полагали за Него души свои. Большинство же, скрывая свою веру в виду опасности, тайно служили Господу, соблюдая Его святые заповеди, а иные бежали в пустыни, особенно иноки, и там скрывались в горах и дебрях.

В это время родился у царя сын и назван был Иоасафом. Младенец был чрезвычайно красив и эта необыкновенная красота как бы предзнаменовала имевшую быть в нем великую красоту душевную. Царь, собрав множество волхвов и гадателей по звёздам, расспрашивал их о том, что ожидает младенца, когда он

придет в возраст. Те, после многих наблюдений, сказали, что он будет выше всех до него бывших царей. Один же из гадателей, самый мудрый, не по течению звёзд, но, как некогда - Валаам¹ по Божественному откровению, сказал царю:

- Младенец не придет в возраст в твоём царстве, а в другом - лучшем и несравненно большем; думаю также, что он примет гонимую тобою христианскую веру, и надеюсь, что не окажется ложным это мое пророчество.

Царь, услышав, что сын его будет христианином, сильно опечалился и раздумывал, что бы сделать, дабы пророчество это не исполнилось.

Он выстроил особое прекрасное здание со множеством светлых помещений, где и должен был воспитываться Иоасаф. Когда же он начал подрастать и приходить в смысл, царь приставил к нему пестунов и слуг, юных возрастом и прекрасной наружностью и приказал, чтобы они не позволяли никому постороннему приходить к царевичу, который не должен видеть никого, кроме них. Кроме того, царь распорядился, чтобы они ничего не говорили царевичу о печалях этой жизни: смерти, старости, болезни и других подобных скорбях, знание которых могло бы препятствовать его веселью, но предлагали бы его вниманию только прекрасное и веселое, для

того, чтобы ум его, всегда занятый наслаждениями и удовольствиями, не мог размышлять о будущем. Он повелел также, чтобы никто не смел сказать ни одного слова о Христе, так чтобы Иоасаф никогда не слышал даже имени Христова, ибо всего более желал царь скрыть от него это имя, боясь, как бы не исполнилось предсказание звездочета; если же с кем -либо из служащих приключилась бы болезнь, его должно было уводить от царевича, а вместо него назначался другой, молодой и красивый, чтобы глаза царевича не видали ничего скорбного. Когда же царь узнал, что в его земле еще есть несколько уцелевших иноков, каковых, он думал, уже нет и следа, то пришел в великую ярость и тотчас же послал вестников по всем странам и городам, которые должны были об явить, чтобы по истечении трех дней во всем царстве не оставалось ни одного инока; оказавшиеся же на лицо, после указанного срока, пусть будут преданы смерти чрез сожжение или усечение мечем: ибо они, говорил царь, научают людей чтить Распятого, как Бога. Итак, царский сын, безвыходно находясь в устроенном ему помещении, достиг юношеского возраста, постиг всю индийскую и египетскую мудрость, и был весьма разумен и понятлив и украшен всяким благонаравием. Он задумывался

над тем, ради чего отец держит его в безвыходном затворе и спросил об этом одного из своих пестунов. Этот, видя, что отрок имеет совершенный разум и очень добр, подробно поведал ему всё, что предсказали о нем звездочеты, когда он родился, и как отец его воздвиг гонение на христиан, особенно на иноков, из коих многих убил, прочих же изгнал из своей земли, ибо он боялся, говорил пестун, как бы ты не сделался христианином. Услышав это, царский сын замолчал и про себя обсуждал всё сказанное пестуном.

Царь часто посещал сына, потому что очень любил его. Однажды Иоасаф сказал ему:

- Хотелось бы мне, отец мой, узнать от тебя нечто о том, о чем постоянно я скорблю и печалюсь.

Отец, объятый сердечною болью, отвечал:

- Скажи, милое дитя, какая печаль овладела тобою, и я сейчас же постараюсь переменить ее на радость.

Тогда Иоасаф спросил:

- Что за причина моего заключения здесь, почему ты скрываешь меня за стенами и воротами, лишил выхода отсюда и сделал невидимым для всех.

Отец отвечал:

- Не хочу я, дитя мое, чтобы ты видел что-нибудь из того, что могло бы вызвать скорбь в твоём сердце и лишит тебя радостной жизни; я желаю тебе прожить весь свой век в непрерывных утехах, во всякой радости и веселии.

- Так знай же, отец, - отвечал отрок, что затвор этот доставляет мне не радость и веселие, а такую скорбь и печаль, что и самая пища и питье кажутся мне не сладкими, а горькими: я желаю видеть всё, что есть за этими воротами; поэтому, если ты не хочешь, чтобы я погиб от скорби, то позволь мне выходить, куда я хочу, и наслаждать душу зрением того, чего я не видал доселе.

Опечалился царь, услышав это, и решил, что если он запретит сыну выход, то повергнет его в ещё большую скорбь и печаль, и сказал он сыну: - Пусть будет, дитя мое, по твоему желанию. И тотчас же велел привести отборных коней и приготовить всё, что приличествует царской чести, и уже более не запрещал сыну выходить, куда он захочет. При этом он приказал спутникам царевича, чтобы они не допускали до встречи с ним ничего предосудительного или печального, но показывали бы ему только одно хорошее и прекрасное, что веселит глаза и сердце; по дороге он повелел всюду устраивать

хоры поющих, а пред ним идти со всякого рода музыкой и представлять различные зрелища, чтобы всем этим услаждался дух царевича. Часто выходя из дворца с такими почестями и утехами, царский сын в один день увидел, по рассеянности слуг, двух людей, из которых один страдал проказою, а другой был слеп. Он спросил сопровождавших его: кто это и почему они таковы? Сопровождавшее, будучи уже не в состоянии скрыть немощь человеческую, сказали:

- Это - страдания человеческие, которые обыкновенно приключаются людям от тленной природы и немощного устройства плоти нашей. Отрок спросил: "со всеми ли людьми это происходит"? Ему отвечали:

- Не со всеми, но с теми, здоровье которых расстраивается от злоупотребления благами земными.

Тогда отрок спросил:

- Если это происходит не со всеми людьми обычно, то знают ли те, которых имеют постигнуть эти беды, или же они приходят внезапно и неожиданно?

Сопровождавшие отвечали:

- Кто из людей может знать будущее?

Царевич перестал спрашивать, но восскорбел сердцем о виденном, необычайном для него

явлении, и изменилось выражение лица его. Немного дней спустя, находясь опять на пути, встретил он дряхлого старца, с морщинистым лицом, расслабленными членами, сгорбленного, всего седого, беззубого и еле говорящего. Увидев его, отрок пришел в ужас и, велел привести его к себе, спросил приведших: кто это и отчего он такой? Они отвечали:

- Ему уже много лет, и так как силы его мало-помалу убывали и члены ослабевали, то и пришел он в ту дряхлость, какую ты видишь.

Юноша сказал:

- Что же с ним будет далее, когда он проживет еще более лет?

Они отвечали ему:

- Ничего более, как только смерть возьмет его.

Юноша спросил:

- Всем ли людям предстоит тоже, или же это бывает только с некоторыми?

Они отвечали:

- Если смерть не постигнет кого в юности, то невозможно человеку, после многих лет, не придти в такую же дряхлость.

Отрок спросил:

- В какие годы постигает это людей, и если смерть предстоит всем без исключения, то нет ли какого-нибудь средства избежать ее и не впасть в такую беду?

Ему сказали:

- В восемьдесят или в сто лет приходят люди в такую дряхлость, и потом умирают, и иначе не может быть, ибо смерть есть естественный долг человека, и наступление ее неизбежно.

Увидав и услышав всё это, разумный юноша, вздохнув из глубины сердца, сказал:

- Если это так, то горька эта жизнь и полна всяких скорбей; и кто может быть беспечальным, всегда находясь в ожидании смерти, пришествие которой не только неизбежно, но, как вы сказали, и неизвестно? И пошел он в свой дворец, и был в великой печали, беспрестанно размышляя о смерти и говоря сам себе:

- Если все умирают, то и я умру, да еще и не знаю, когда... когда же умру, кто вспомнит обо мне? Пройдет много времени, и всё придет в забвение... нет ли какой-либо иной жизни после смерти и другого мира?

И был он весьма смущен этими мыслями; однако не сказал ничего своему отцу, а только много расспрашивал вышеназванного пестуна, не знает ли он кого-нибудь, могущего поведать ему обо всем и утвердить ум его, изнемогающий в размышлениях? Пестун сказал:

- Я говорил тебе раньше, как отец твой тех мудрых пустынников, которые всегда

размышляли об этих вещах - одних убил, других, в гневе, изгнал, и теперь не знаю никого из них в наших пределах.

Юноша сильно скорбел по сему поводу, жестоко болел душою и проводил жизнь в непрестанной печали: оттого вся сладость и красота мира сего были в глазах его мерзостью и нечистотою. И Бог, хотящий всем спастись и в разум истины прийти, по обычному Своему человеколюбию и милости, наставил отрока на правый путь следующим образом.

Был в то время один премудрый и в добродетелях совершенный инок, по имени Варлаам, саном священник, живший в пустыне сенаридской. Наставляемый Божественным откровением, он узнал о положении царского сына, вышел из пустыни и, переменив одежды, принял вид купца и, сев на корабль, отправился в Индийское царство. Приплывши к городу, в котором находился дворец царского сына, он прожил там много дней и собрал подробные сведения о царевиче и его приближенных. Узнав же, что вышеназванный пестун ближе всех к царскому сыну, старец отправился к нему и сказал:

- Знай, господин мой, что я купец и пришел из далекой страны; есть у меня драгоценный камень, подобного которому не находили

никогда и нигде и которого я до настоящего времени никому не показывал, а теперь говорю тебе о нем потому, что вижу, что ты человек разумный и смысленный; итак, введи меня к царскому сыну и я отдам ему тот камень, цены которого никто исчислить не может, ибо он превосходит всякие добрые и многоценные вещи: он подает слепым зрение, глухим слух, немым язык, больным здоровье, изгоняет из людей бесов, во всем умудряет безумных и дает приобретшему его все желаемые блага.

Пестун сказал ему:

- По виду ты старик, а между тем говоришь пустые слова и безмерно похваляешься: сколько я ни видал драгоценных камней и жемчуга, и сколько ни имел их у себя, но камня, имеющего такую силу, как ты сказал, не видал и не слышал. Впрочем, покажи мне его, и, если слова твои окажутся справедливыми, я тотчас введу тебя к царскому сыну, и ты удостоишься от него почестей и получишь соответствующее вознаграждение.

Варлаам же сказал:

- Справедливо сказал ты, что не видал и не слышал о таком камне нигде, но верь словам моим, что он есть у меня: я не похваляюсь и не лгу на старости лет, а говорю истину, а что ты попросил посмотреть его, так послушай, что я

скажу: мой драгоценный камень с его действиями и чудесами, имеет еще и то свойство, что не может видеть его тот, кто не имеет здоровых очей и чистого, совершенно непорочного тела; если же кто, оскверненный нечаянно, увидит тот камень, то потеряет и зрение, и ум. Я же, зная врачебное искусство, вижу, что очи твои болят, и потому боюсь показать тебе мой камень, чтобы не сделаться виновником твоего ослепления; о сыне же царском я слышал, что он ведет беспорочную жизнь и имеет очи здоровые и ясные, а потому и хочу показать ему свое сокровище; так не будь же нерадив и не лиши своего господина такой важной покупки.

Пестун отвечал ему:

- Если так, то не показывай мне камня, ибо я осквернил себя многими нечистыми делами и, как ты сказал, имею нездоровый вид; а словам твоим я верю и господину моему сказать не поленюсь.

И отправившись во дворец, пестун рассказал царевичу всё по порядку, и он, выслушав речь пестуна, ощутил в сердце своем какую-то радость и духовное веселие, и велел тотчас же внести к себе купца.

Варлаам вошел к царевичу, поклонился ему, и приветствовал его мудрою и приятною речью.

Царевич велел ему сесть. Когда же пестун ушел, Иоасаф сказал старцу:

- Покажи мне камень, о котором ты рассказывал моему пестуну такие великие и дивные вещи.

Варлаам же обратился к нему с такою речью:

- Всё, сказанное тебе обо мне, царевич, истинно и несомненно, ибо неприлично мне говорить пред твоим величеством что-либо ложное; но прежде чем не узнаю я твоих мыслей, я не могу открыть тебе великую тайну, ибо Владыка мой сказал: "Вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге; и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на места каменистые, и, взошедши, засохло, ибо не имело влаги. Иное упало в терние, и заглушило его терние. Иное упало на добрую землю и принесло плод сторицею" (Мф.13:3-8). Итак, если я найду в твоём сердце землю плодоносную и добрую, я не поленюсь сеять в тебе божественное семя и открыть тебе великое таинство. Если же земля эта будет каменистая и полная терния, или - придорожная, попираемая мимоидущими, то лучше совсем не бросать в нее спасительного семени и не отдавать его на расхищение птицам и зверям, метать пред коими бисер строго запрещено. Но я надеюсь найти в тебе наилучшую землю, для того, чтобы тебе принять словесное семя, и увидеть бесценный камень, и

просветиться зарею света, и принести плод сторичный; ибо ради тебя я принял много труда и прошел далекий путь, чтобы показать тебе то, чего ты не видал и научить тому, чего ты никогда не слышал.

Иоасаф отвечал ему:

- Я, старче честный, одержим невыразимым желанием слышать новые и добрые слова, и внутри сердца моего горит огонь, разжигающий меня к познанию некоторых важных и необходимых вещей, и до сего дня не нашел я человека, могущего разъяснить мне то, что у меня в уме, и наставить меня на правый путь. Если же я нашел бы такого человека, то услышанные от него слова я не отдал бы на съедение птицам и зверям, не оказался бы каменным и полным терния, как ты сказал, но с благодарностью принял бы и сохранил их в сердце своем. И ты, если знаешь что-либо, не скрывай от меня, а поведай мне, ибо, как только услышал я, что ты пришел из далекой земли, тотчас возрадовалась душа моя и я вознадеялся чрез тебя получить желаемое: потому-то и допустил я тебя немедленно к себе и с радостью принял, как кого-либо из знаемых или сверстников моих.

Тогда Варлаам, отверзши уста свои, полные благодати Святого Духа, начал говорить ему о

Едином Боге, всё сотворившем, и о всем, что совершилось от начала мира: о грехопадении Адама и об изгнании из рая, о праотцах и пророках; затем - о воплощении Сына Божия, о вольной Его страсти и о воскресении; о Св. Троице, о крещении и о всех тайнах святой веры: ибо Варлаам был весьма премудр и искусен в Св. Писании. Изъясняя учение притчами и подобиями, украшая речь свою прекрасными рассказами и изречениями, он размягчил, как воск, сердце царевича, который чем далее, тем внимательнее, с наслаждением слушал его. Наконец, царевич познал, что тот бесценный камень есть Христос Господь, ибо свет воссиял в душе его и открыл очи его ума, так что он уверовал без всяких сомнений всему, что поведал ему Варлаам. И восстав с своего престола, он подошел к премудрому старцу и, в радости обняв его, сказал:

- О, достойнейший между людьми! Это-то и есть, как думаю, тот бесценный камень, который ты имеешь втайне и не всякому желающему показываешь, но только достойным, у которых здравы душевные чувства; ибо как только слова твои, достигли до моего слуха, вошел сладостный свет в сердце мое и тотчас исчез тяжкий покров печали, долгое время лежавший на моей душе. Итак, скажи мне, правильно ли я рассуждаю об

этом, а если знаешь что-либо еще лучшее, поведай мне.

И Варлаам, продолжая слово, говорил ему о доброй и злой смерти, о всеобщем воскресении, о жизни вечной, о воздаянии праведным и о муке грешников; и привел его своими словами в великое умиление и сердечное сокрушение, так что весь он был в слезах и долго плакал. Кроме того, Варлаам рассказал ему о суете и непостоянстве мира сего, и об отвержении его, и иноческом и пустынном житии.

Как драгоценные камни в сокровищнице, слагал Иоасаф все слова Варлаама в сердце своем и так наслаждался его беседою и полюбил его, что захотел быть с ним всегда неразлучно и слушать его учение. Расспрашивал он его о пустынном житии, о пище и об одежде, говоря:

- Скажи мне, какова пища твоя и живущих с тобою в пустыне, откуда у вас одежда и какая? Варлаам сказал:

- Пищею служат нам древесные плоды и травы, растущие в пустыне. Если же кто из верующих принесет нам немного хлеба, то мы принимаем приносимое, как посланное Божественным промыслом; одежда же наша - власяная и из кож овечьих и козьих, весьма ветхая и вся в заплатах, одинаковая зимою и летом, а ту одежду, которою я покрыт сверху, я взял у

одного верного мирянина, чтобы не узнали, что я инок: если бы я пришел сюда в собственной одежде, то не был бы допущен к тебе.

Иоасаф попросил старца показать ему обычные иноческие одежды, и тогда Варлаам снял верхнюю одежду, и страшное зрелище представилось Иоасафу: тело старца все иссохло и почернело от действия солнца, кожа держалась только на костях, от чресл до колен он опоясан был раздраным и колючим власяным рубищем и такую же мантию имел на плечах. Иоасаф удивился такому тяжкому подвигу и, пришедши в изумление от великого терпения старца, вздохнул и заплакал, и умолял старца взять его с собою на такое же пустынное житие.

Варлаам сказал:

- Не желай этого сейчас, чтобы из-за тебя не обрушился на братию гнев твоего отца, но прими крещение и останься здесь, а я отправлюсь один; когда же Господь захочет, придешь ко мне и ты, ибо я верю, что и в этом веке и в будущем мы будем с тобою жить вместе.

Иоасаф, со слезами, сказал:

- Если такова воля Господа Бога, то соверши надо мною св. крещение, и возьми у меня

побольше золота, чтобы отнести твоим братьям, находящимся в пустыне, на пищу и одежду.

- Богатые дают убогим, - отвечал Варлаам, - а не убогие богатым: как же ты хочешь дать нам, богатым, сам будучи убогим? Ведь самый последний из нашей братии богаче тебя несравненно. Надеюсь, что и ты, по милости Божией, вскоре обогатишься этим истинным богатством; но когда ты разбогатеешь именно таким образом, то сделаешься скупым и несообщительным.

Иоасаф не понял сказанного ему, и Варлаам объяснил ему тогда свои слова в том смысле, что оставляющие всё земное ради Христа приобретают блага небесные, а между тем малейший небесный дар дороже всех богатств мира сего. При этом он присовокупил Иоасафу:

- Золото часто бывает причиною греха, и потому мы не держим его у себя, а ты хочешь, чтобы я отнес братьям моим змия, которого они уже попрали ногами.

Затем он посоветовал Иоасафу готовиться к св. крещению, заповедал ему продолжительный пост и молитву, а сам удалился от него и в уединенном месте молился за него Богу. На другой день он снова пришел к нему и долго поучал его истинной вере. И так в течение продолжительного времени старец приходил

ежедневно к царевичу и излагал пред ним учение пророков и Апостолов и святоотеческие предания. В тот же день, в который он вознамерился крестить Иоасафа, Варлаам изрек ему следующее поучение:

- Вот, ты хочешь принять печать Христову, знаменоваться светом лица Божия и быть сыном Божиим и храмом Святого и Животворящего Духа: веруй же теперь в Отца, и Сына, и Святого Духа, во Святую и Живоначальную Троицу, в трех Ипостасях и во едином Божестве славимую, отдельную Ипостасями и Ипостасными свойствами, но единую существом. Итак, веруй во Единого Бога- Отца нерожденного и Единого Господа нашего Иисуса Христа, Света от Света, Бога Истинного от Бога Истинного, рожденного прежде всех век; ибо от Всеблаготворного Отца родился Всеблаготворный Сын, от нерожденного Света воссиял Свет Присносущный, от Истинной Жизни произошел Животворящий Источник, от самой Силы Отчей явилась Сила Сыновняя, Который есть Сияние славы и Слово Ипостасное, искони сущий у Бога и Сам сущий Бог, безначальный и присносущный, чрез Которого получило бытие всё видимое и невидимое. И веруй во Единого Духа Святого, от Отца исходящего, Бога совершенного и животворящего, освящающего,

имеющего такую же волю, всемогущего, соприносущного, пребывающего в своей Ипостаси. И так, покланяйся Отцу и Сыну и Святому Духу, в трех Ипостасях, с различными свойствами, но в едином Божестве. Общее всем им есть Божество, и едина есть природа Их, и едино существо, и едина слава, едино царство, едина сила, едина власть; общее же Сыну и Святому Духу то, что они от Отца; собственное же у Отца - нерождение, у Сына - рождение и у Духа - исхождение. Так веруй сему; но не пытайся постигнуть образ рождения или исхождения, ибо он непостижим, а правым сердцем без всякого исследования принимай, что Отец, Сын и Святой Дух по всему суть едино, кроме нерождения, рождения и исхождения; и что Единородный Сын и Слово Божие и Бог, нашего ради спасения, сошел на землю, по благоволению Отца, и содействием Святого Духа без семени зачался во утробе Святой Девы и Богородицы Марии и нетленно родился от Нее и был совершенным Человеком, ибо Он есть как совершенный Бог, так и совершенный Человек, из двух естеств, т. е. Божества и человечества, - в двух естествах разумных, вольных и действующих и во всем имеющих совершенство, по свойству каждого естества, содержащих волю, слово и власть, - по

Божеству и человечеству в едином составе, - и всё сие принимай без исследования умом и не пытайся узнать самого образа, каким всё это произошло: как умалил себя Сын Божий, и человек произошел от девических кровей без семени и нерастленно, или каким образом произошло соединение. Всё это мы научены содержать верою, как преданное нам в Божественных Писаниях, но уразуметь и выразить самую сущность не можем. Веруй в Сына Божия, по милосердию Своему ставшего Человеком и принявшего все свойства естества человеческого кроме греха: ибо Он чувствовал голод и жажду, спал, утруждался и скорбел по человечеству и за беззакония наши был предан смерти, распят и погребен, вкусив действительной смерти, в то время как Божество в Нем пребывало бесстрастным и неизменным. Мы ничего, относящегося к страданию отнюдь не применяем к Его бессмертному Божественному естеству, но исповедуем, что Он пострадал и был погребен воспринятым Им Его человеческим естеством, а силою Божественною воскрес из мертвых в нетлении и восшел на небеса, и опять имеет прийти со славою, чтобы судить живых и мертвых (Иоан.5:20) и воздать каждому по делам его правою мерою (Мф.16:27; Откр.22:12):

ибо воскреснут мертвые и восстанут сущие во гробах, при чем сохранившие заповеди Христовы и отшедшие в правой вере наследуют жизнь вечную, а осквернившие себя грехами и уклонившиеся от истинной веры пойдут в муку вечную. И не веруй, что есть какая-то изначальная сущность или царство зла, и не воображай, что оно - безначально, или самостоятельно, или получило свое начало от Бога: думать так - безрассудно. На самом деле зло проникает в нас по нашей собственной вине и действию диавола чрез нашу невнимательность к самим себе. Так как мы обладаем свободой воли, то можем по собственному хотению выбирать или доброе, или злое. Исповедуй также едино крещение от воды и Духа во оставление грехов. Принимай причастие Пречистых Христовых Таин, веруя, что это - воистину Тело и Кровь Христа Бога нашего, которые дал Он верующим во оставление грехов, ибо в ночь, в которую был предан, определенно завещал Он святым своим ученикам и Апостолам и всем Своим будущим последователям, сказав: **"примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое... Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите... в Мое воспоминание"** (Мф.26:26-28; 1Кор. 11:24- 25).

Это - Само Слово Божие, действующее и всё
творящее силою Своею, действует и претворяет
через священные слова и чрез снисшествие Духа
Святого предложенные хлеб и вино в Его Тело и
Кровь и подает во освящение и просвещение
причащающимся с верою. Покланяйся, также, с
верою и лобызай честное изображение (лика)
вочеловечившегося нас ради Бога Слова, имея в
мыслях, что в этом изображении ты видишь
Самого Творца: ибо "честь, оказываемая
изображению, - говорит святой Василий
Великий, - переходит на первообраз". А
первообраз, - это тот, чье лице изображается и
кто послужил причиною изображения: так,
взирая на написанные на иконе, мы
умственными очами восходим к тому, кого эта
икона изображаем, и, благоговейно поклоняясь
образу Принявшего на Себя плоть нашу, но
обоготворяем самого написанного образа, но
образ Воплотившегося Бога и Уничившего
Себя нас ради до образа рабского крепко и с
любовью лобызаем; равно лобызай и образы
Пречистой Матери Его и всех святых.
Покланяйся с верою и изображению Честного и
Животворящего Креста и целуй его ради
Распятого на нем плотью, на спасение роду
человеческому, Христа Бога и Спаса мира,
даровавшего нам образ креста в знамение

победы над диаволом, который боится и трепещет силы крестной. Вот чему должен ты верить и с этой верой ты принимаешь св. крещение: так сохрани же эту веру без всякого изменения и еретических добавлений до последнего издыхания... Возненавидь же все учения, противные этой непорочной вере и считай их враждебными Богу, так как, по слову Апостола: **"Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема"** (Галат. 1:8). - И действительно, нет другого Евангелия, нет другой веры, кроме проповеданной Апостолами и утвержденной Богоносными отцами на различных соборах и преданной Соборной Церкви.

Сказав это и научив царского сына Иоасафа символу веры, изложенному на Никейском соборе, Варлаам крестил его во имя Отца и Сына и Святого Духа в водоеме, находившемся в царском саду. Таким образом сошла на Иоасафа благодать Святого Духа. Вошедши затем в спальню Иоасафа, Варлаам совершил там богослужение и приобщил его Пречистых и Животворящих Таин, и оба они пребывали в духовной радости, воссылая хвалу Богу. После того Варлаам научил царевича, как ему

подобает жить после крещения, преподав ему учение о добродетели, и удалился к себе.

Между тем слуги и пестуны Иоасафа, видя частые посещения царевича старцем, пришли в недоумение; и вот, старший из них, по имени Зардан, которого царь за его верность и преданность приставил надзирать за двором царевича, сказал однажды Иоасафу:

- Ты хорошо знаешь, государь, как почитаю я твоего отца и как я ему верен, - за то и приставил он меня служить тебе. Теперь же, видя, как часто входит к тебе и беседует с тобою этот странный человек, я боюсь, не христианской ли он веры, против которой так враждует отец твой, и не пришлось бы мне подвергнуться из-за него осуждению на смерть. Поэтому, или скажи о нем царю, или перестань совсем беседовать с ним, или отошли меня от себя, чтобы не быть мне в ответе.

Царевич отвечал:

- Вот что мы сделаем сначала, Зардан: ты сядешь тайно за завесою и послушаешь его беседы со мною, - тогда я тебе и скажу, что нужно сделать.

И когда однажды Варлаам явился во дворец, Иоасаф, спрятавши предварительно Зардана за завесою, сказал старцу:

- Напомни мне вкратце учение твое, дабы оно крепче укоренилось в моем сердце.

Варлаам начал говорить и многое поведал ему о Боге, благочестии, будущих благах и вечных мучениях, и, наконец, после долгой беседы, встал, сотворил молитву и удалился в свое жилище.

Царевич вызвал тогда Зардана и спросил его, испытывая:

- Слышал ли ты, о чем беседовал со мною этот лживый старик: он покушается прельстить меня своим учением, лишит всех моих утех и наслаждений и привести к чужому Богу.

Зардан отвечал:

- Не искушай, государь, меня, раба твоего: я хорошо знаю, как глубоко пали тебе на сердце слова этого человека, и все мы знаем, что проповедь его - истинна. Но с тех пор, как твой отец воздвиг лютое гонение на христиан, вера их обречена на гибель, и если она всё-таки пришлась тебе по сердцу и ты можешь понести соединенные с нею страдания и труды, то да исполнится благое желание твое. Но что же делать мне? Я даже и смотреть не в силах на такие страдания и на столь скорбное житие их. От страха царского гнева сердце у меня замирает, я не знаю, что отвечать ему на то, как попустил я тому человеку входить к тебе.

На это царевич сказал Зардану:

- Я не нашел лучшей награды тебе за твою великую преданность и верную службу мне, как постараться открыть тебе неизреченные блага: познание твоего Создателя и веру в Него. Я надеялся, что как только ты услышишь правое учение, тотчас возлюбишь его и последуешь ему вместе со мною. Но, вижу я, надежда обманула меня, ибо ты огрубел сердцем и не хочешь познать истину. Исполни, по крайней мере, одно желание мое: не говори ничего до времени отцу, так как этим ты ничего не достигнешь, а только причинишь ему скорбь и печаль.

На другой день Варлаам, пришедши к царевичу, сказал ему о своем намерении оставить его.

Иоасаф, не в силах будучи перенести разлуку, скорбел душою и горько плакал. Старец долго беседовал с ним, утверждая его в вере и добродетели и убеждая не плакать по нем. Он предрек также царевичу, что скоро они оба соединятся навсегда. Тогда Иоасаф, не желая причинять старцу огорчения, а вместе и боясь как бы Зардан не донес о приходе старца царю, со слезами сказал Варлааму:

- Раз ты пожелал, отец мой духовный и добрый учитель, того, чтобы мне остаться здесь, в этом суетном мире, а тебе самому удалиться на место твоего духовного покоя, то я не смею более

удерживать тебя. Итак, иди, хранимый Богом с миром, и поминай всегда мое окаянство в святых твоих молитвах, дабы и я получил со временем возможность придти к тебе и уже постоянно видеть честное лицо твое. Но окажи мне любовь твою, оставь мне эту твою худую и ветхую мантию на память о твоём иноческом житии и учении и для охранения от всякого действия сатанинского.

Старец отдал ему свою мантию, которую Иоасаф ценил более царской багряницы. Затем Варлаам встал на молитву и умиленно молился за Иоасафа, вручая новопросвещенного юношу Божью промыслу и защите. Окончив молитву, он обратился к царевичу, поцеловал его и сказал:

- Чадо небесного Отца! мир тебе и спасение вечное.

Затем он вышел из дворца, радуясь и благодаря Бога, благонаправившего путь его.

По удалении Варлаама, блаженный Иоасаф предался постоянной молитве и подвиж-
нической жизни. Видя это, Зардан чрезвычайно огорчился и, притворившись больным, удалился в свой дом. Царь, узнав о болезни Зардана, послал к нему своего, весьма искусного, врача лечить его. Врач внимательно исследовал болезнь Зардана и известил царя, что он не мог

найти в Зардане никакой иной причины болезни, кроме какой-то печали, пораженный которой он и болеет. Тогда царь подумал, что сын его за что-нибудь разгневался на Зардана, вследствие чего последний и захворал от печали, и пожелал сам навестить больного и узнать от него точнее о причине болезни. Но Зардан сам поспешил явиться к царю, пал пред ним на землю и признал себя достойным всякого наказания за то, что небрежно охранял царевича, и рассказал царю обо всем, что случилось с Иоасафом.

- Один лукавый человек, - говорил он, - волхв и обманщик, именем Варлаам, пришел из пустыни и беседовал с сыном твоим о вере христианской, и теперь царевич - уже христианин.

Услышав это, царь содрогнулся от скорби, а затем пришел в несказанную ярость. Он тотчас призвал самого главного из своих вельмож, по имени Арахию, мудрого советника и искусного звездочета, и рассказал ему всё по порядку, как было.

Арахия, утешая его, ответил:

- Не печалься, царь, ибо мы весьма легко отклоним твоего сына от христианской веры, если овладеем Варлаамом; если же не разыщем его, то я знаю другого старца, - уже нашей веры, - по имени Нахора, живущего в пустыне и

занимающегося звездочетством, у которого я и сам учился и который всем обликом очень похож на Варлаама, - я ведь и Варлаама хорошо знаю в лицо, так как ранее видал его. Итак, вызвав этого Нахора из пустыни, прикажем ему притвориться Варлаамом и будем вести с ним прения о вере; он сделает вид, что он побежден и объявит христианскую веру ложною, а твой сын, видя это, отвернется от христианства и возвратится к отеческим богам.

Царь, нашедши такой совет хорошим, утешился несколько в своей скорби, предался тщетным надеждам и поспешно отправил самого же Арахию со множеством воинов искать Варлаама. Арахия, прошедши длинный путь, достиг наконец, до пустыни Сенаридской. Здесь он долго ходил без всяких дорог и чрез едва проходимые дебри, нашел в одном месте под горою небольшое количество пустынников и схватил их. Один из них был у них за старшего и носил с собою волосяной мешок, наполненный костями ранее отшедших некоторых святых отцов, - для постоянного напоминания о смерти. Арахия спросил пустынников:

- Где находится тот обманщик, который прельстил царского сына?

- Его нет у нас, - отвечал за всех носивший волосяной мешок, - и не будет, так как он бегают

от нас, гонимый силою Христовою, а пребывает он среди вас.

- Знаешь ли ты его? - спросил Арахия.

- Знаю, - отвечал пустынный, - обманщика-диавола; он то и живет среди вас и вы угождаете ему.

- Но я спрашиваю тебя о Варлааме.

- Если ты спрашиваешь о Варлааме, - отвечал пустынный, - то тебе нужно было бы сказать: "где тот, кто отвратил царского сына от обольщения"? Он - наш брат и делит с нами подвиг иноческого постничества, но вот уже много дней мы не видели его.

- Где же он находится?

- Мы знаем его келлию в пустыне, но я не открою вам ее места.

Арахия, разъярившись, угрожал им смертью, но они радовались, слыша о смерти. Он нанёс им множество ран и подверг их лютым мукам, требуя, чтобы они указали местопребывание Варлаама, но они молчали. После того Арахия опять тщательно разыскивал повсюду Варлаама и, не нашедши его нигде, возвратился к царю ни с чем, ведя за собою только упомянутых пустынных в числе семидесяти. Царь всячески принуждал их сказать, где - Варлаам, и отречься от Христа; но они не только не послушались его, а и укоряли его за безбожие, за что царь

приказал отрезать им языки, выколоть глаза и отсечь руки и ноги. Так скончались доблестные страдальцы.

После их смерти, Арахия, по царскому приказу, ночью пошел к волхву Нахору, который жил в пустыне вместе с бесами и занимался колдовством, и, подробно рассказав ему всё, упросил его притвориться Варлаамом. Потом он возвратился к царю, а на другой день снарядил отряд воинов и опять распустил слух, что идет искать Варлаама и отправился снова в пустыню. Здесь Нахор показался отряду при выходе из одной дебри; воины, заметив его, погнались за ним и, догнавши, схватили и привели к Арахии, который, как будто не зная Нахора, спросил его, кто он такой? Нахор ответил, что он - Варлаам. Все очень обрадовались и повели его связанным к царю. Между тем повсюду разнеслась весть о том, что Варлаам схвачен, и Иоасаф сильно скорбел об этом и горько плакал. Но Бог, всеобщий Утешитель, в одном откровении объявил Иоасафу, что схвачен не Варлаам, а вместо него волхв Нахор.

Царь сначала отправился во дворец сына и - то добрыми и кроткими, то яростными и суровыми словами, убеждал его оставить христианскую веру и возвратиться к богам отцов, но ничем не мог отвратить его от любви ко Христу: Иоасаф

на все речи отца отвечал с великою мудростью, доказывая ничтожество языческих богов, прославляя Единого Истинного Бога, Создателя всего, и заявляя о своей готовности идти за сего Бога на раны и смерть. Но так как естественная любовь отца к сыну не позволяла царю мучить его и, кроме того, собственная совесть обличала его, когда он слышал истину, возвещаемую царевичем, то он сказал:

- Тебе следовало бы, дитя мое, во всем повиноваться отцовской воле, но ты груб и непокорен и упорно противишься мне, воображая, что ты мудрее всех: поэтому, оставим напрасное препирательство и дадим место самой правде. Вот, я соберу многолюднейшее собрание и созову всех мудрецов со всего нашего царства, а равно приглашу и христиан, при чем своим глашатаям прикажу повсюду громко объявлять, чтобы никто из христиан ничего не боялся, но чтобы они без страха шли на собрание, в котором общим судом мы рассмотрим, какая вера лучше. В моих руках находится и прельстивший тебя Варлаам, закованный в железо, - я не успокоился, пока не схватил его: я выведу его на собрание, и пусть он вместе с своими христианами станет против наших мудрецов и состязается с ними о вере. И если вы, христиане,

с своим Варлаамом преодолете наших, то получите всё, чего ни пожелаете, если же будете побеждены, то должны будете во всем повиноваться моему повелению.

- Буди воля Господня, - отвечал блаженный Иоасаф, - и пусть будет все, как ты желаешь; а Бог истинный да поможет нам не уклониться с правого пути!

Тогда царь при помощи всюду разосланных грамот и чрез глашатаев, громко возвещавших царскую волю по всем городам и селениям, повелел всем служителям идолов и христианам собраться в одно место, - последним (христианам) ничего не боясь, - для решения вопроса об истинной вере посредством состязания христиан с Варлаамом в главе с языческими жрецами и волхвами. При этом царь созвал всех бывших в его стране мудрейших жрецов, чародеев и волхвов персидских, халдейских, которые должны были преодолеть христиан. И вот, к царю сошло великое множество идолопоклонников, мудрых в злобе и хитрых во лжи учителей, которые, **"называя себя мудрыми, обезумели"** (Рим. 1:22), христиане же, из которых одни были избиты неверными, другие скрывались, разбежавшись по горам и пещерам, собрались в весьма небольшом числе, и среди них нашелся

только один, именем Варахия, сведущий в Божественном Писании: он -то один только и выступил в помощь мнимому Варлааму, не зная, что на самом деле это не Варлаам, а волхв Нахор.

Царь сел на высоком престоле, повелев и сыну сесть с собою, но царевич, из почтения к отцу, сел не рядом с ним, а около престола на полу. Пред лицом царя предстали все языческие мудрецы, приведен был и Нахор, - мнимый Варлаам.

- Вот, - сказал царь, - обращаясь к своим мудрецам, вам предстоит немалый подвиг, и одно из двух ожидает вас: или вы, победив в прении Варлаама и его единомышленников - христиан, удостоитесь всяких почестей, или же, будучи побеждены, понесете позор, бесчестие и жестокую казнь, ибо я всех вас без сожаления погублю и тела ваши отдам на съедение зверям и птицам, а детей ваших обращу в вечное рабство, если вы не преодолете христиан. Когда царь произнес эти слова, Иоасаф воскликнул:

- Праведным судом рассудил ты ныне, царь! И я скажу нечто подобное своему учителю.

И, обратившись к Нахору, он сказал:

- Варлаам! В какой славе и среди каких утех ты впервые узнал меня! Но своими долгими

беседами ты заставил меня отступить от богов и законов моих предков, служить неведомому Богу и раздражить моего отца и владыку. Поэтому, теперь представь себе, что ты стоишь как бы на весах: если ты выйдешь победителем из предстоящего состязания и докажешь, что учение твое - истинно, то ты прославишься как проповедник истины, и я останусь верным твоему учению, служа Христу до последнего издыхания; если же ты будешь побежден и чрез то сделаешься виновником моего посрамления, то я сам отмщу за свою обиду: я стану ногами тебе на грудь и, вырвав собственными руками твое сердце и язык, брошу их вместе с остальным твоим телом на съедение псам, чтобы и все другие на твоём примере научились не сметь обольщать царских детей.

Нахор пришел от этих слов в великий ужас, видя, что он пойман в свою же сеть и упал в яму, которую сам же выкопал. Страшась неизбежной смерти, ожидающей его, если он раздражит царевича, имеющего полную возможность мучить его, как только захочет, Нахор решился держать сторону Иоасафа и защищать христианскую веру. И когда началось прение между жрецами и христианами, Нахор заговорил подобно тому, как в древности известный Валаам, который послан был царем

Валаком проклясть Израиля, а вместо проклятия благословил его многими благословениями (Числ. гл. 22): точно также и Нахор, начав состязание, продолжал его от утра до вечера, говоря как бы по внушению от Духа Святого: так иногда благодать Божия может действовать и в нечистых сосудах ради своей святой славы. И так мудро изобличил Нахор суетность и ложность языческих богов и так непреложно доказал, что одно только христианство есть истинная вера, что никто не мог возразить еще ни единого слова. Об этом прении Нахора с жрецами идольскими пространно и прекрасно написал святой Иоанн Дамаскин в своем повествовании о святых Варлааме и Иоасафе. Итак, все языческие мудрецы, и жрецы, и философы уныло стояли пред Нахором и молчали, как немые, покрытые стыдом, не имея ничего возразить ему. Царевич же радовался в душе и прославил Господа, Который, как некогда Савла, так теперь Нахора - из гонителя сделал учителем и проповедником истины. Царь и Арахия, изумленные неожиданною изменою Нахора, страшно гневались на него. Царь и хотел бы мучить Нахора вместе с христианами, но не мог нарушить своего царского слова, которым он приглашал христиан свободно и безбоязненно явиться на состязание о вере,

обещая, как царь, не причинять им никакого зла. Поэтому он приказал собранию разойтись, сказав, что на утро будто бы опять будет прение. Тогда царевич сказал отцу:

- Царь! В начале дела суд, согласно твоему повелению, был поставлен правильно, так твори же правду до конца и реши что-нибудь одно: или прикажи моему учителю провести эту ночь у меня, чтобы нам вместе с ним размыслить о том, что нужно будет говорить нам завтра, а ты точно также поступишь вместе с своими единомышленниками, или же оставь мне их, а сам возьми к себе моего учителя, ибо если обе противные стороны пробудут время до прения у тебя, то мой учитель неизбежно будет находиться в угнетении и страхе, а твои мудрецы - в радости и покое, а в таком случае дело не может, по моему мнению, идти правильно и выйдет только насилие сильного над слабым и нарушение данного тобою христианам обещания.

Царь, побежденный мудрыми словами сына, оставил ему Нахора, уведши с собою остальных своих жрецов и все еще надеясь, что Нахор исполнит свое обещание (возвратить Иоасафа в язычество); царевич же, захватив с собою Нахора, отправился в свой дворец, радуясь о Боге Спасителе своем.

- Не думаешь ли ты, - сказал он Нахору, пришедши к себе, - что я не знаю, что ты не Варлаам, а Нахор? Впрочем, ты хорошо поступил, доказывая истинность христианской веры и обличая ничтожество идолов: итак, уверуй в того Бога, за имя Коего ты так доблестно восстал.

Потрясённый словами Иоасафа, Нахор раскаялся во всех своих прежних пороках и, искренно желал обратиться к истинному Богу, умолял Иоасафа позволить ему тайно убежать в пустыню, присоединиться к скрывающимся там пустынноикам и принять святое крещение.

Иоасаф, наставив его в вере, отпустил с миром. Он бежал в пустыню, нашел там одного святой жизни иерея и, приняв от него крещение, стал проводить жизнь свою в покаянии.

На утро царь, узнав о случившемся с Нахором, отчаялся в надеждах, какие на него возлагал. Видя, что его мудрецы окончательно побеждены и находятся в безвыходном положении, он разгневался на них, предал их позорному поруганию, а некоторых и сильному телесному наказанию, велел вымазать им лица сажею и прогнал их от себя. И с тех пор он уже не почитал более жрецов и не приносил жертв идолам, а хулил их. Но, не в поклоняясь идолам и в то же время не принимая христианской

веры, он находился крайнем замешательстве и расстройстве мыслей. А к Иоасафу между тем приходили многие из язычников и, услажденные спасительной беседой с ним, обращались ко Христу. Поэтому жрецы, видя свое бесчестие и поругание и уклонение царя от их богов, поспешно отправили послов к одному знаменитому волхву, по имени Февде, жившему в пустыне в сообществе с бесами, и известив его о всем случившемся, усиленно молили его о помощи. Февда, сопровождаемый великою бесовскою ратью, смело отправился к царю, лично знавшему и любившему его, и вновь своими льстивыми речами склонил его к язычеству и устроил с ними большое празднество в честь идолов. Стараясь опять обратить к идолопоклонству и блаженного Иоасафа, волхв дал царю лукавый совет, чтобы он удалил от Иоасафа всех слуг, а вместо них для служения приставил бы к нему благообразных жен и прекрасных девиц.

- А я, - говорил он далее, - пошлю одного из бесов возжечь в нем сладострастный огонь, и, лишь только царевич впадет в грех блуда, тотчас же, царь, всё будет по твоему.

Царь послушался лукавого совета, собрал множество красивых девушек и молодых женщин и, украсив их дорогими одеждами и

золотыми уборами, повел их к сыну во дворец, а всех его слуг вывел вон, так что во дворце не осталось никого из мужчин и всякую службу при царевиче исполняли женщины и девушки. Нашли, невидимо, туда и лукавые духи, посланные волхвом Февдою, и стали разжигать у юноши плотскую страсть и внушать ему непотребные мысли. Блаженный Иоасаф претерпевал великое искушение и борьбу с самим собою - особенно, когда одна, самая прекрасная из всех девушка, научаемая не только царем, но и бесами, простерла на него сети своей красоты. Она была дочерью одного царя, попала в плен, и, уведенная из отечества, досталась, как самая дорогая добыча, царю Авениру. Полагаясь на ее необыкновенную красоту, отец послал ее на соблазн сыну; вошедши в нее, бес-обольститель научил ее мудрым речам и хитрой беседе, а вместе с тем и святому юноше вложил в сердце сначала любовь без всякой похоти, стараясь постепенно уловить его в свои сети. И действительно, Иоасаф полюбил ее за ее мудрость и благонравие и, кроме того, жалел ее за то, что, будучи царской дочерью, она сделалась пленницею и лишилась своего отечества и высокого положения; он раздумывал, наконец, и о том, как бы отклонить ее от идолопоклонства и сделать христианкою.

С такими помыслами, не ощущая в себе никакой страстной похоти, он начал с нею беседовать так:

- Познай, девица, Бога, живущего во веки, чтобы не погибнуть тебе в заблуждении. Познай Создателя, и ты будешь блаженна, уневестившись Бессмертному Жениху.

Много еще подобного говорил он ей, и вот, нечистый дух научил ее начать дело соблазна и увлечь невинную душу к гибели. И сказала девица:

- Если ты, господин мой, заботишься о моем спасении и хочешь избавить мою душу от языческих заблуждений, то исполни и ты одну мою просьбу, и я тотчас же отрекись от своих отечественных богов, обращусь к твоему Богу и буду служить ему до последнего издыхания и, следовательно, ты получишь награду за мое обращение.

- В чем -же состоит твоя просьба?- спросил девушку святой юноша.

Она, обольщая его взором и выражением голоса, ответила:

- Вступи со мною в супружество, и я исполню всякое твое приказание.

- Напрасно осмелилась ты, - сказал он, - обратиться ко мне с такою просьбою, так как,

хотя я и желаю твоего спасения, но осквернить себя не соглашусь.

Стараясь облегчить ему путь ко греху, она в свою очередь сказала:

- Ты сам, господин мой, будучи столь мудрым, напрасно говоришь так, - называешь супружество осквернением: я тоже знаю христианские писания, много читала их в своем отечестве и много раз беседовала с христианами. Разве в книгах ваших не написано: "**Брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно**" (Евр.13:4), и еще: "**лучше вступить в брак, нежели разжигаться**" (1Кор.7:9). - Разве не знали брака древние патриархи, пророки и праведники, как о том свидетельствуют ваши Писания? Разве Писание не возвещает, что Петр, которого вы называете верховным Апостолом, имел жену? Так кто же научил тебя называть брак осквернением, господин мой? В действительности ты сам отступил от правды вашего учения.

- Хотя в Писании и есть всё то, что ты сказала, - отвечал святой - и действительно, каждому предоставляется, если он желает, вступить свободно в брак, но только - кроме тех, кто обещался Христу хранить свое девство; а я, как только принял святое крещение, дал обет представить себя Христу чистым в непорочном

девстве: так как же я дерзну преступить клятву, данную Богу?

Обольстительница сказала ему:

- Если ты не берешь меня в супружество, то исполни другое мое легко исполнимое и ничего несостоящее желание. Если хочешь спасти мою душу, будь со мною в эту ночь. Сделаешь так, - я обещаю тебе, что завтра же приму христианскую веру, и тогда тебе не только будет прощение грехов **за** такую твою заботливость о моем обращении, но ты получишь и великую награду; ибо **"на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся"** (Лук.15:7), говорит твое Писание, а если бывает радость на небесах об обращении грешника, то не будет ли велико и воздаяние тому, кто обратит грешника и сделается причиною такой радости грешника? Без всякого сомнения - так, ибо и ваши Апостолы многое совершали по своему усмотрению, преступая меньшую Божественную заповедь ради заповеди большей. Не обрезал ли Апостол Павел Тимофея (Деян.16:3), хотя обрезание христианам и необязательно И однако он не побоялся так поступить ради большей пользы для дела проповеди. И многое подобное сему найдешь ты в своих книгах. Итак, если ты действительно желаешь спасти мою душу, то исполни это мое ничтожное желание.

Когда она говорила это, душа святого, овладеваемая противоположными мыслями, стала колебаться между добром и злом, твердость решения сохранить девство начала ослабевать, а воля и разум как бы размягчались. Видя это сеятель греха - диавол преисполнился радости и возвестил другим бесам:

- Смотрите, как девушка эта хочет сделать то, что оказалось не под силу даже нам! Поэтому именно теперь нападём на юношу с особою силою, потому что у нас не будет другого более удобного времени исполнить желание и приказание пославшего нас.

Воскликнув это, нечистый вместе с своими слугами дерзостно устремился на воина Христова и привел в расстройство все его душевные силы, зажегши в нем нечистую любовь к девице и сильную похоть. Тогда святой, ударяя себя в грудь и вздыхая от глубины сердца к Богу, поспешно прибег к молитве, и, проливая обильные слезы, взывал к Могущему спасти его от треволнений и бури и говорил:

- **"На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек... да не восторжествуют надо мною враги мои"** (Пс. 30:2; Пс.24:2), уповающему на Твою державу, но будь моею защитою в этот час и направь пути мои, по воле

Твоей, к прославлению святого и страшного Имени Твоего на мне, рабе Твоем. Долго молился святой, обливаясь слезами и творя многочисленные коленопреклонения, и, наконец, пал на землю и уснул. Во сне он вскоре увидел, что взят какими-то неизвестными мужами, проходить чудными местами и приводится на какое-то великое поле, покрытое прекрасными и чрезвычайно благоуханными цветами. Здесь он видел множество разнообразных и прекрасных деревьев, имевших неизвестные и необыкновенные плоды, приятные на вид и возбуждавшие желание вкушать их; листья этих деревьев весело шумели от легкого ветерка и тихо колыхались, испуская непрерывно благоухание. Под деревьями стояли престолы из чистого золота, драгоценных камней и жемчуга, испускавшие сильный блестящий свет; стояли там также ложа, покрытые разнообразными покрывалами несказанной красоты и блеска. Посредине протекали воды, чистые и прекрасные, веселившие взор. Упомянутые необыкновенные мужи провели Иоасафа чрез всё описанное поле и ввели его в город, блиставший неизреченным светом, имевший стены из чистого золота и драгоценных камней, никогда еще никем невиданных, а столбы стен и ворота - из

цельного жемчуга... Но кто выразить всю красоту и блеск этого города?! Свет, сиявший свыше обильными лучами, наполнял все улицы города, и какие-то крылатые и светлые видом воины ходили по городу и пели сладкозвучные песни, каких никогда еще не слышало ухо человека. И услышал Иоасаф голос:

- Вот - покой праведных ! Вот - веселие угодивших в жизни своей Господу.

Взявшие Иоасафа мужи хотели, выведши его из города, вести назад. Но он, плененный виденными им красотой и великолепием, сказал:

- Умоляю вас, не лишайте меня этой неизреченной радости и позвольте мне жить в каком-нибудь углу этого города.

- Теперь тебе нельзя остаться здесь, - отвечали они ему, - хотя за многие подвиги и усилия ты со временем войдешь сюда, если только употребить для того все силы, ибо **"употребляющие усилие восхищают его"** (Мф.11:12).

После того они опять повели его чрез вышеупомянутое великое поле и ввели в темные места, полные мрака и печали и во всем противоположные тому свету и радости, какие ранее видел Иоасаф. Там была беспросветная, унылая тьма и всё полно было скорби и смятения. Там горела огненная печь, кругом

которой ползали черви, пожирающие человеческое тело и стояли духи отмищения. Какие-то люди были жестоко палимы огнем, и слышался голос:

- Вот - место грешников! Вот - место тех, которые осквернили себя постыдными делами! Затем водившие Иоасафа в видении вывели его из тьмы, и тотчас он, пробудившись, пришел в себя, но весь трепетал, и слёзы ручьем текли из его очей. И тогда вся красота юной соблазнительницы его и остальных жен и девиц показалась ему хуже грязи и гноя. Вспоминая же о своем видении, он то объят был желанием достигнуть светлого города, то - одержим страхом вечных мучений и, обессиленный, лежал в постели и не мог встать.

Царю было доложено об его болезни, и царь тотчас поспешно пришел к нему и стал расспрашивать о причине болезни. Иоасаф рассказал ему всё, что было показано ему в видении, и присовокупил:

- Зачем ты расставил мне сети, желая уловить меня и ввергнуть душу мою в погибель? Ведь, если бы не помог мне Бог, то душа моя едва ли бы не была в аду. Но сколь благ Бог Израилев, избавивший меня, грешного от уст львовых! В смятении заснул я; но посетил меня с высоты Бог Спаситель мой и показал мне, каких благ

лишаются прогневающие Его и какие муки они себя готовят... Итак, отец, если уже ты как бы затыкаешь уши и не хочешь слушать меня всякий раз, как я говорю тебе об истинном благе, то мне-то, по крайней мере, не мешай идти правым путем. А я одного желаю, это - оставить всё и отправиться туда, где пребывает угодник Христов Варлаам и с ним провести все остальное время моей жизни. Если же ты захочешь удержать меня силою, то скоро увидишь меня умершим от печали и уныния, и тогда ты, не имея сына, не будешь уже более называться отцом.

И опять сильнейшая скорбь овладела царем и, опечаленный, пошел он в свой дворец. Оставили непобедимого воина Христова также и лукавые духи и со срамом возвратились к Февде, который стал их укорять:

- Вот как бессильны вы, окаянные, - говорил он, - не могли даже и юношу победить!

А они, понуждаемые силою Божиею, против воли, признались:

- Не можем мы противостоять силе Христовой, не можем даже взглянуть на крестное знамение, которым ограждает себя юноша.

Через несколько времени царь, взяв с собою Февду опять пришел к сыну, и на этот раз Февда беседовал с юношей, отстаивая своих богов, но

не мог преодолеть того, кому даны были уста и премудрость свыше, - премудрость, против которой стоять не может никто. Побезденный и посрамленный Февда долго молчал, как немой, не находя ничего более сказать, и наконец, едва опомнившись и обратившись к царю, сказал:

- Царь! Дух Святый живет в сыне твоём; мы, действительно побеждены и нечего нам ему ответить... Воистину велик Бог христианский, велика вера их и велики таинства их!

И, обращаясь к царевичу, спросил:

- Скажи мне, освященный душою: примет ли меня Христос, если я оставлю свои злые дела и обращусь к Нему?

Святой Иоасаф начал говорить ему о покаянии грешников и о милости Божией, скоро принимающей истинно кающихся. Февда умилился сердцем и тотчас же поспешил в свою пещеру, сжёг там все книги, по которым занимался волхвованием и затем последовал примеру Нахора: сподобился святого крещения и проводил жизнь в покаянии.

Так как царь не знал уже более, что ему делать с сыном, то Арахия советовал ему разделить свое царство на две половины и одну отдать сыну.

- Если ты пожелаешь мучить своего сына, - говорил он, - то будешь врагом самой природе и назовешься не отцом, а мучителем собственного

сына, да к тому же и его погубишь, и сам останешься без детей и еще прибавишь себе печали. Остается сделать одно: раздели пополам царство твое и вели сыну своему царствовать в назначенной для него части. Занявшись житейскими попечениями он мало-помалу начнет свыкаться с тою жизнью, какою живем мы, и всё сделается по нашему, так как привычки, укоренившиеся в душе, изменяются не столько насильем, сколько верою. Если даже он останется верным христианству, то для тебя будет некоторым утешением в печали уже одно то, что ты не бездетен, что у тебя есть сын - царь.

Приняв совет Арахии, царь так и сделал: разделил царство пополам и над одною половиною поставил царем Иоасафа. Иоасаф, хотя и не помышлял о царской власти, желая пустынной иноческой жизни, но, рассудив, что всё клонится к лучшему, принял отделенную ему часть царства и, вступив на престол, прежде всего постарался искоренить языческое многобожие и распространить веру в единого истинного Бога. Он разрушил по всей земле своей идолов и разорил до основания их капища, а вместо их строил христианские храмы и всячески распространял веру Христову. Услышав об этом, христианские епископы,

пресвитеры и диаконы выходили из гор и пустынь и стекались к благочестивому царю, который принимал их с радостью и вместе с ними заботился о спасении душ человеческих. Вскоре он просветил светом веры и окрестил всех своих подданных, не переставая в то же время слезно молиться Богу об обращении своего отца.

И милосердый Бог не презрел его усердной молитвы и слёз: Он коснулся светом Своей благодати сердца Авенира, и спала завеса тьмы с очей ума его, и он увидел зарю истины и познал суетность лжеименных богов. Авенир собрал своих советников и открыл им о своем сердечном желании принять христианскую веру. Все похвалили его намерение, ибо всех, по молитвам Иоасафовым, "**посетил нас во восток свыше**" (Лк.1:78). Тотчас же царь письмом призвал своего сына, чтобы научиться от него вере и благочестию. О, какую радостью и веселием наполнилось сердце Иоасафа, когда он увидел, что отец его обращается к Богу истинному! Достаточно научив своего отца вере в течение многих дней и преподав ему тайны святой веры подобно тому, как самому ему преподавал их преподобный Варлаам, Иоасаф привел его к святому крещению и сам восприял его от святой купели. Дело - по истине новое и

дивное! своему отцу он сделался отцом и для родившего его по плоти явился посредником духовного его возрождения. Вслед за царем приняли святое крещение его вельможи, воины, рабы, короче, - вся индийская земля. И была тогда великая радость на земле и на небесах: на земле радовались верные обращению неверных, а на небесах - Ангелы, о бесчисленных грешниках кающихся.

После крещения Авенир всю царскую власть отдал сыну, а сам жил уединенно в безмолвии и, всегда посыпая голову пеплом, сокрушался о грехах своих: так прожил он четыре года и, получив от Бога прощение грехов, преставился в мире.

В сороковой день по кончине царя Авенира Иоасаф, совершая память ему, созвал всех своих вельмож, советников, воинских начальников и других важных должностных лиц и объявил им свою тайну, именно, что он желает оставить земное царство и все мирское, уйти в пустыню и иночествовать. Все опечалились и проливали слезы, так как все очень любили его за его кротость, смирение и благотворительность.

Вместо себя он хотел поставить царем одного из своих вельмож, именно - Варахию, давно уже бывшего христианином, - того самого, который держал сторону мнимого Варлаама в прении о

вере против всех языческих мудрецов. Иоасаф знал, что Варахия весьма тверд в вере и имеет великую любовь ко Христу.

Но Варахия отказался от царства, говоря:

- Люби, царь, ближнего, как самого себя. Если царствовать - хорошо, царствуй сам. А если - нет, то зачем отдаешь мне царство? Зачем налагаешь на меня тяготу, от которой бежишь сам?

Тогда все усердно, со слезами, стали умолять святого Иоасафа, чтобы он не оставлял их. Но он ночью написал грамоту к всему синклиту и ко всем начальникам, в которой поручал их Богу и повелевал, чтобы они никого не ставили себе царем, кроме Варахии, и, оставив эту грамоту в своей опочивальне, сам тайно вышел и поспешно отправился в пустыню. На утро пронесся слух о его удалении. Народ смутился и впал в печаль. Многие рыдали. Наконец все жители столицы бросились разыскивать его и нашли в одном высохшем ручье молящимся с воздетыми руками. Здесь его окружили и, павши пред ними, с рыданиями упрашивали возвратиться во дворец и не покидать их.

Иоасаф, вынужденный этими мольбами, возвратился, но скоро опять собрал всех и сказал: - Напрасно вы, удерживая меня, противитесь воле Господней.

Затем он клятвенно подтвердил свои слова, так что с этой минуты он и одного дня не может уже оставаться царем. На Варахию он против желания его возложил свой венец, посадил его на своем престоле и дал ему должное наставление об обязанностях царя, а сам, простившись с народом, вышел из дворца и из города, спеша в пустыню. Весь народ вместе с Варахию и со всеми властями, убедившись, что Иоасаф непреклонен в своей мысли оставить царство, не в силах будучи удержать его мольбами и не смея вернуть его с пути насильно, шли за ним с плачем и далеко провожали его; он же просил их не огорчать его и оставить одного; но некоторые всё-таки издалека следовали за ним, с рыданиями, до самого захода солнца, когда ночь скрыла от их глаз любимого владыку и они перестали видеть друг друга.

Таким образом Варахия принял скипетр индийского царства, а Иоасаф **"все почитал за сор, чтобы приобрести Христа"** (Филип. 3:8). В первую же ночь своего пути вошел в жилище одного бедняка и отдал ему свою одежду, а сам пошел на подвиг пустынного жития во власянице, которую дал ему некогда Варлаам. При этом он не имел с собою ни хлеба, ни другого чего-нибудь, потребного для пищи, ни воды: всю надежду свою он возложил на

Промысл Божий и горел пламенною любовью к Господу своему. Достигнув пустыни, он, возведши очи ко Христу, воскликнул:

- Пусть глаза мои не видят уже более благ мира сего и пусть сердце мое не услаждается уже более ничем, как только Тобою, упование мое! Направь путь мой и веди меня к угоднику Твоему Варлааму! Покажи мне виновника моего спасения, и да научит меня пустынному житию тот, кто научил меня познать Тебя, Господи!

Два года ходил святой Иоасаф по пустыне один, ища Варлаама. Питался он травами, растущими там, и часто терпел голод, вследствие недостатка самой травы, так как почва той пустыни была сухая и мало плодородная. Много напастей перенес он от диавола, который нападал на него, то смущая ум его различными помыслами, то устрашая привидениями; иногда являлся он ему черным и скрежеща зубами, иногда устремлялся на него с мечем в руке, как бы желая его умертвить, то принимал виды различных зверей, змиев, аспидов. Но мужественный и непобедимый воин Христов все эти видения побеждал и прогонял мечем молитвы и оружием креста.

По окончании второго года, Иоасаф нашел в Сенаридской пустыне одну пещеру и в ней инока, спасавшегося в безмолвии, от которого

он узнал, где находится Варлаам. В радости он быстро пошел указанною ему тропою, достиг до Варлаамовой пещеры и, став у входа, толкнул дверцу, говоря:

- Благослови, отче, благослови!

Варлаам, услышав голос, вышел из пещеры и, по вдохновению свыше, узнал Иоасафа, которого невозможно было узнать по внешнему виду, потому что он почернел от солнечного зноя, оброс волосами и имел иссохшие щеки и глубоко ввалившиеся глаза. Старец, ставши лицом на восток, вознес благодарственную молитву Богу, а затем они с любовью обнялись и лобзались святым лобзанием, омывая лица свои теплыми слезами радости. Сев, они стали беседовать и первый начал Варлаам. Он сказал:

- Ты хорошо сделал, что пришел, чадо мое, чадо Божие и наследник царства небесного! Да даст тебе Господь вместо временных благ вечные, вместо тленных - нетленные. Но прошу тебя, возлюбленный, скажи мне: как ты пришел сюда? что после моего, удаления с тобою случилось? познал ли твой отец Бога, или все еще остается в прежнем заблуждении?

Иоасаф рассказал ему по порядку всё, что случилось по уходе Варлаама и что сотворил Господь Своею всесильною помощью. Старец,

выслушав всё, весьма радовался и удивлялся и, наконец, сказал:

- Слава Тебе, Христе Боже, что благоволил Ты семени слова Твоего, всеянному мною в душу раба Твоего Иоасафа, так произрасти и обратиться в сторичный плод.

Между тем настал вечер и, сотворив обычные молитвы, они только тогда уже, наконец, вспомнили о пище. И вот, Варлаам устроил трапезу, богатую душеспасительною беседою, полную духовных брашен, но скудную пищею телесной, так как она состояла только из сырых невареных овощей, небольшого количества фиников и воды из ближайшего источника.

Укрепившись такою трапезою, они возблагодарили Бога, отверзающего руку Свою и насыщающего всякое животное Своим благоволением. Затем они совершили ночные молитвы и опять начали душеспасительную беседу, и беседовали всю ночь до времени утреннего пения.

Проводя такую удивительную и равноангельную жизнь, Иоасаф с Варлаамом прожили вместе довольно много лет. Наконец, преподобный Варлаам почувствовал приближение своей кончины, призвал своего духовного сына Иоасафа, которого он возродил к новой жизни, и сказал ему:

- Сын мой, я уже давно желал видеть тебя прежде своей кончины, и когда я однажды молился о тебе, явился мне Господь наш Иисус Христос и обещал привести тебя ко мне. Теперь Господь исполнил мое желание: я вижу тебя отрекшимся от мира и всего мирского и соединившимся со Христом. Итак как время моего отшествия теперь уже пришло, то предай тело мое земле, отдай прах праху, а сам оставайся на этом месте, продолжая духовное житие и вспоминая обо мне, смиренном".

Выслушав эти слова, Иоасаф горько рыдал о разлуке с преподобным, и старец едва мог утешить его духовною беседою, а затем послал его к некоторым братьям, жившим в той же пустыне и велел принести всё потребное для совершения Божественной литургии. Иоасаф поспешно отправился, взял, что нужно, и также поспешно возвратился, боясь, чтобы его духовный отец не скончался без него и чтобы не лишиться его последнего благословения.

Варлаам совершил Божественную литургию и оба они причастились Святых Таин. Затем преподобный долго беседовал с учеником о душеполезных вещах и с умилением молился Богу о себе и своем ученике; после молитвы, отечески обняв Иоасафа, старец в последний раз облобызал его и благословил, знаменался

крестным знаменем и возлег на одр; тогда лице его сделалось светлым и радостным, как будто к нему пришли какие-то друзья; так преставился он ко Господу, прожив в пустыне 70 лет, а всего от роду около 100 лет.

Иоасаф, пролив над ним обильные слезы, весь день и всю ночь пел над ним псалмы; на утро же, выкопав могилу около вертепа, предал погребению тело честного старца и, сев около могилы, горько плакал до тех пор, пока не изнемог от плача и уснул. Во сне он опять увидел тех чудных мужей, которых видел некогда во время искушения: они пришли к нему, взяли его и повели опять на великое поле, которое он уже видел, и в сияющий город. Когда он входил в городские ворота, его встретили Ангелы Божии, несущие два венца неопикуемой красоты.

Иоасаф спросил:

- Чьи эти блистающие венцы?

- Оба - твои, - отвечали ему Ангелы, - за то, что ты спас много душ и за то, что, оставив для Бога земное царство, ты посвятил себя иноческой жизни; но один из них должно отдать твоему отцу за то, что при твоей помощи, он оставил путь, ведущий к гибели, чистосердечно и усердно каялся и примирился с Господом.

- Но как же возможно, - возразил Иоасаф, - чтобы мой отец за одно только раскаяние

получил награду, равную со мною, понесшим такие труды?

Как только он это сказал, он увидел Варлаама, который говорил ему:

- Не говорил ли я тебе когда-то, Иоасаф, что когда ты разбогатеешь, то сделаешься скуп и неподатлив? Но почему же теперь ты не хочешь, чтобы твоему отцу была честь, равная с тобою? Не следует ли напротив тебе всею душою радоваться тому, что услышаны твои о нем молитвы?

Иоасаф, сказав Варлааму, как имел обычай говорить ему всегда при жизни: "прости, отче, прости", - продолжал:

- Скажи мне, где же живешь ты сам?

- Я получил светлую обитель в этом прекрасном и великом городе, - отвечал Варлаам.

Иоасаф стал просил Варлаама взять его с собою в свою обитель и с любовью принять, как своего гостя. Варлаам отвечал:

- Еще не пришло время тебе, носящему телесное бремя, быть здесь; но если ты мужественно пребудешь до конца в иноческих подвигах, как я тебе заповедал, то скоро прийдешь сюда и удостоишься постоянной жизни здесь, здешней славы и здешних радостей и вечно будешь вместе со мною.

Пробудившись, с душою еще полною виденного света и неизреченной славы, Иоасаф прославил Владыку всего, воссылая ему вдохновенную благодарственную песнь.

На месте сожителства с преподобным Варлаамом святой Иоасаф прожил до самой своей кончины. На 25-м году от рождения оставил он земное царствование и принял на себя подвиг постничества, и, прожив в пустыне 35 лет, преставился ко Господу.

Один святой пустынный, живший неподалеку, узнавши, по вдохновенно, о преставлении святого Иоасафа, пришел к нему в тот же час, когда он скончался, воспел над честным его телом со слезами любви обычные песнопения надгробные и положил его вместе с мощами преподобного Варлаама, чтобы и тела тех, которые были нераздельны по духу, почивали нераздельно в одном месте. После погребения святого Иоасафа, пустыннику было откровение от Бога, повелевавшее ему идти в Индийское царство и известит царя Варахию о кончине святого. Получив это известие, царь со множеством народа отправился в пустыню и, прибыв в пещеру преподобных отцов, открыл гроб их и нашел мощи святых Варлаама и Иоасафа нетленными, при чем от них исходило великое благоухание. Взяв святые мощи,

Варахия с честью перенес их из пустыни в свое отечество и положил в церкви, созданной святым Иоасафом, слава Бога в Троице, Которому и от нас да будет честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

От духовнаго наставника научився царю Иоасафе, Бога познати, крещением же просветитися, люди к вере обратил еси, и отцу твоему от купели приемник быв, царство оставив, пустыню достигл еси, и в ней трудолюбне подвизался еси: моли Христа Бога со учителем твоим Варлаамом, спаситися душам нашим.

Кондак, глас 8:

Ведый твое из младенства благое изволение, Иоасафе, един сердцеводец Бог. И от царствия земнаго в монашеское пребывание приведый ты великому Варлааму последовати сподоби, с нимже и ныне горний Иерусалим всесветлый отечество имея, желаемыя доброты красно наслаждаяся Святыя Троицы, молим ты царская красото, поминай нас верою чтущыя ты.

1 Числ. гл. 22-24. Валаам - пророк из города Пефора, близ Харрава, в Месопотамии. О нем была такая молва, что кого он благословит, тот будет благословен, и кого проклянет, тот будет проклят. Валак, царь Моавитский, уstraшенный победами Израильтян, призвал Валаама, чтобы он проклял их, но, вразумленный Богом, Валаам вместо проклятия произнес слова благословения.

